

Культура. — 1998. — 10 — 16 дек. — с. 1

Одна эпоха Александра Исаевича

Солженицына нужно заслужить

Пытаться облеечь явление по имени Солженицын в свои слова — примерно то же, что пробовать петь на большой горной высоте. С культурой прошлого — будь то Пушкин или "Слово о полку...", Толстой или Лермонтов — проще: там воздух менее разрежен, многие главные слова сказаны до нас и за нас, большое видится на расстоянии. А тут нечто, явно превышающее привычные нам человеческие возможности, имеющее в культуре очевидно фундаментальный характер и в то же время наследующее ее коренные традиции, а сверх того, отмеченное беспримерной персональной ролью в отечественной и мировой истории, воплощено в таком же, как мы, человеке с руками и ногами, который живет рядом с нами, работает, как вол, о нем не возбраняется нести любую околесицу, а помешать ему говорить с людьми, выставив из телевизора, — дело пяти минут, притом не для царя, генсека или КГБ, а просто для нанятого за хорошие деньги чиновника. Совсем другая дистанция. К тому же и слова сегодня потеряли цену, значение и звучание, образовались какой-то лилипутский язык, в котором "великие" — популярные певцы, известные артисты — на каждом шагу, как грибы; твердая же ценность сомнительна и подлежит иронической ухмылке. Как тут говорить о том, что на самом деле велико.

Недавно в одной итальянской газете писали, что 200-летие Пушкина будет отмечаться на Западе чуть ли не шире, чем у нас, только на свой лад: у них будет Пушкин euroliteo. Это очень радовало бы — давно пора, — если бы Пушкин euroliteo не уточнялся в таком ряду: Пушкин non dostoevskiano, Пушкин non staliniano и, наконец, Пушкин non "russo". Там же, в Италии, на Международной пушкинской конференции было объявлено, что в русской литературе есть две совершенно разные линии: одна — от Пушкина к Пастернаку и Бродскому, другая — от Достоевского к Солженицыну. При всей выморочности, так часто свойственной приват-доцентскому умозрению, в этой деревянной постройке есть своя эффективность: обе "линии" — euroliteo и russo — венчаются именами нобелевских лауреатов, так что никто не обиден. Но и эта эффективность вызывает тоску, ибо нет более величественного символа безнадежно политизированного взгляда на литературу, чем Нобелевская премия; Пушкин и Достоевский вряд ли бы были ее удостоены.

Низкий и нелицемерный поклон Западу за премию Солженицыну (бронезилет ему самому, а дальше, через него — гуманитарная помощь жертвам большевизма), но дальше политики Запад в понимании Солженицына так и не двинулся. Почему? Да по той же причине, по какой и Достоевский, и, конечно, Пушкин — для Запада люди дот и почитаемые, но чужие: один не вполне доступен без Фрейда, другой более или менее понятен лишь в чужом свете — раньше Байрона и Шекспира, а теперь вот Пастернака и Бродского. С тем же, кто скажет, что "линия" Достоевского как раз и есть прямое и органическое продолжение "линии" Пушкина, там и разговаривать станут разве лишь из вежливости.

Впрочем, мы и сами недалеко ушли, и у нас почти то же, и притом издавна (вспомним одиночество и Пушкина, и Достоевского), но особенно сейчас, в условиях всеобщего насильственного разделения и обособления. Разделение идет как вибри — по стране, так и свер-

ху вниз — по "слоям населения"; и культуру искусственно поляризуют, жестко деля на "массовую" и "элитарную", рыночную и приват-доцентскую, разрушая возводимое веками здание. Поэтому нет, быть может, сегодня в культуре более чужого и одинокого человека, чем единый, связующий Солженицын. Но тот камень кладки, который не дает обрушиться своду и называется замковым, тоже бывает один.

В отношениях с очень большим наследием культуры у каждого своя история, свои вехи понимания, своя лирика. Мой главный лирический момент — "Матренин двор": в "Огоньке", в деревне на Волге (или это мне сейчас так кажется, что на Волге и в той деревне?), — как гром, как любовь или музыка, как "бура мглою...", миг полного узнавания, опознания: мое! И какими-то неведомыми путями — несомненная помощь в формировании моего взгляда на Пушкина.

Другая веха — "Теленок". Читал запоем — как Данте, как детектив, как мениппею в духе Петрония или Свифта, как "Капитанскую дочку". И до сердцебиения, до дрожи в коленках — эпический и душе-раздирающий, трагический, полный сердечного любования гениальный портрет Твардовского. Кто из обиженных и обидевшихся, увидевших в суе и маяте идейных ссор, не выше сапог, мог бы хоть в воображении воздвигнуть великому поэту памятник такой жизненной мощи, такой проникновенной сомасштабности?

Перед "Архипелагом" и "Красным колесом" я умоляю: слишком многое можно сегодня выразить в словах. Карамзин — Пушкин — Достоевский; может быть, Бах. Нравственный пафос, объективность и высокая точка обзора, головокруглая смелость и полифоническая стройность создания, обеспеченные нечеловеческой громадой черной работы (зримый, еще горячий пример которой — "Россия в обвале"). В целом при всех поводах для чьих-нибудь несогласий "Архипелаг" и "Колесо" нынешней критике недоступны, не подлежат. Не потому, что "нельзя" или что последняя истина — нет. Никаким собственно литературным, отвлеченно-профессиональным способом понимание этого человеческого и художественного подвига не приобретает, чтобы приобрести — надо отдалиться, пройдя дальше, по той исторической дорожке, которая нам предстоит и будет, верно, недешево стоить.

"В одной газете (почти официальной) сказано было, что прадед мой... был куплен шкипером за бутылку рома.

...В одной газете официально сказано было, что я помещик во дворянстве. Справедливее было бы сказать дворянин во помещанстве.

В другой газете объявили, что я собою весьма неблагообразен, и что портреты мои слишком льстивы. На эту личность я не отвечал, хотя она глубоко меня тронула". Пушкин, 1830.

Кое-какие последнего времени журналистские сочинения о Солженицыне до удивления напоминают газетный лай "тех еще" времен — тем более что многие детали словно бы прямо заимствованы из арсенала тогдашней Лубянки. Это подтверждает мою догадку о происхождении и природе нынешней правящей идеологии: идеологии позднедиссидентско-номенклатурного синтеза. Две вроде бы противостоящие категории — партийно-комсомольские чиновники и

борцы за отъезд из "этой страны" — были родственны в одном: в презрении к "этому" народу, в создании своей элитарной отделенности от него. Приступая к реформам, никто из них не хотел знать, что такое "эта" страна, что в ней нужно и полезно, а что ей отвратительно и вредно.

Превознося достоинство и права человека, заведомо отвергли достоинство и права нации и народа. И как только появился Солженицын, он почти мгновенно стал чужим. Его точка отсчета — Россия, ее опыт, история, духовный строй и ценности, а не макроэкономические панцеи и либеральные универсалии, заимствованные у "империи добра". Никакие прошлые

заслуги этого извинить не могли.

Дурные эмоции вроде раздражения, страха или ненависти всегда ищут себе оправдание, окопаться в чужих грехах, реальных и мнимых, — лучший способ самоутверждения. В последнее время вошла в моду тема "демонизма" Солженицына. Здесь не место размышлять о том, из какой духовной темноты, да и просто безграмотности, возникла эта тема. Но нечто подобное обязательно должно было появиться в условиях тяжелой болезни человеческого духа, называемой постмодернизмом. Суть ее — в неприязни ко всякой твердой системе ценностей, в неприятии ценностного мышления вообще, в упразднении категорий истины и

истинности, одним словом, в отмене вертикального измерения бытия. Все это, помимо прочего, суть качества homo economicus в отличие от homo sapiens. Россия к этому не привыкла — тем труднее ей осваивать эти качества; оттого общество наше — при катастрофичности внешнего бытия, при политической, экономической и идейной сумятице — находится в тяжелой духовной прострации, воля его — в состоянии анемии. Так вот, там, где лестница ценностей сброшена в горизонтальное положение, появляются вертикали, выглядят угрозы; как говорил Козьма Прутков, "многие вещи нам непонятны не потому, что наши понятия слабы, но потому, что сии вещи не входят в круг

наших понятий". Там, где господствуют не человеческие идеалы, а лилипутские интересы, сила духа не находит иного определения, как демонизм.

...Перечитывая, вижу, что менее всего говорю о Солженицыне — все вокруг и вокруг. Но о том, чему определено в наше время быть примером и символом нашего национального достоинства, во что вложена цель — всецело надежду и уверенность в нашей силе и духовной неистребимости, об этом поди найди сегодня слова, которые не были бы сотрясанием воздуха... Завидую тихому шедевр Сокурова.

Валентин НЕПОМНЯЩИЙ

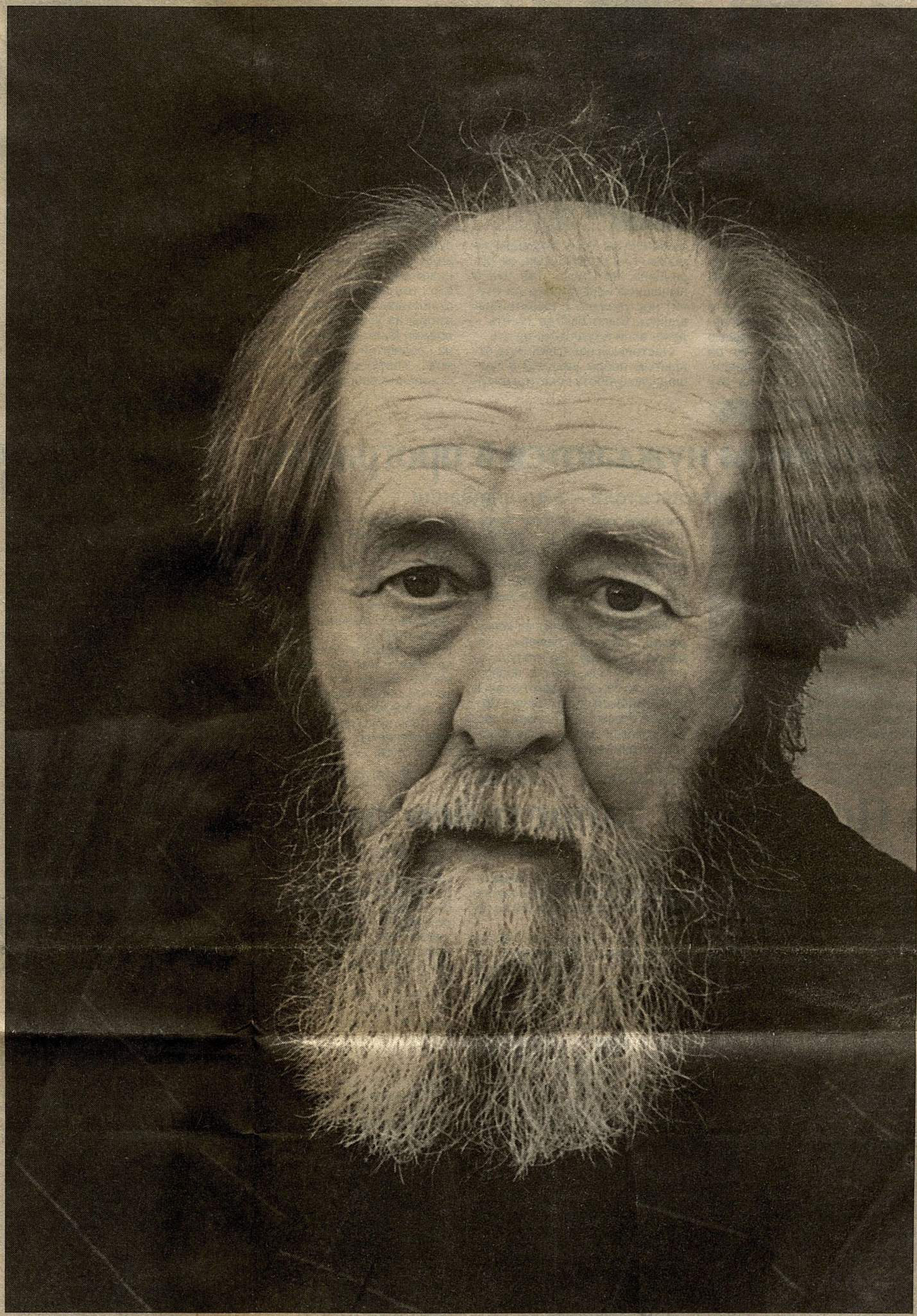

Фото ИТАР — ТАСС

От изгнания до возвращения

Александр Солженицын, которому 11 декабря исполнится семьдесят лет, категорически отказался от общения с журналистами и не собирается устраивать торжеств по случаю дня рождения. Но отечественное телевидение не смогло пройти мимо этой исторической культурной даты.

Канал НТВ уже представил зрителям четырехсерийную ленту "Жизнь Солженицына", подготовленную здесь к знаменательной дате. Никогда прежде — ни в России, ни за рубежом — о нашем великом современнике не снимался биографический фильм.

Создателям фильма очень повезло: они в отличие от пишущих журналистов получили обширное интервью для фильма, в котором также широко использованы видео- и фотоархивы классика. Фильм "Жизнь Солженицына" снят Юрием Прокофьевым, Леонидом Парфеновым, Алексеем Пищулиным.

Игорь ВЕКСЛЕР

(Рецензию на фильм А. Сокурова "Узел" читайте на 4-й стр.)

Негромко, вполголоса

4 декабря в Литературном музее собрались люди, чтобы в канун юбилея Александра Исаевича Солженицына отметить и двадцатипятилетие со дня выхода "Архипелага ГУЛАГ". Над подиумом в небольшом музейном зале, словно герб гулаговского братства, висела старая политическая карта СССР с нанесенными на ней "лагерными" точками. Зеки трех поколений собрались здесь, чтобы отметить две даты, неразрывно связанные с их собственными судьбами. Организаторы вечера — общество "Мемориал" и Литературный музей — подготовили также выставку книг, выпущенных "Мемориалом" и посвященных описанию гулаговских лагерей. А презентация нового энциклопедического справочника "Система исправительно-трудовых лагерей в СССР. 1923 — 1960" явилась для собравшихся, а теперь уже и не только для них, важным событием, ибо справочник раскрывает эту тему с документальной точностью. Елена Чуковская и Сергей Ковалев, Арсений Рогинский и Лев Тимофеев, Серго Ломинадзе, Феликс Светов, Григорий Явлинский, многие другие подчеркивали необычайную злободневность "Архипелага ГУЛАГ", ставшего настольной книгой для тысяч и тысяч. Да, сегодня, когда на полном серьезе государственные люди дебатировать вопрос о восстановлении каторги и памятника Дзержинскому, сочинение это действительно, как никогда, злободневно, ибо избавляет от незнания прошлого, заставляет еще и еще раз справедливо оценить свою историю.

К юбилею Александра Исаевича Юрий Любимов и его Театр на Таганке представляют спектакль "Шарашка", в основу которого положены главы из романа Солженицына "В круге первом", премьера состоится сегодня. А еще через четыре дня в Большом зале консерватории в честь юбилея прозвучит музыка Чайковского и Сибелиуса в исполнении Российского Национального оркестра под управлением Михаила Плетнева, дирижировать в этот вечер будет финский маэстро Пааво Берглунд, а солистом выступит Мстислав Ростропович. По признанию самого Александра Исаевича, он юбилеев не любит, но, когда говорят негромко, вполголоса, слышнее становится сказанное.

Елена ВАСИЛЬЕВА